

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ РАЗРЫВ В МАРКСИЗМЕ: РЕКОНСТРУКЦИЯ КОНЦЕПЦИИ Л. АЛЬТЮССЕРА

Амоненко Сергей Александрович

магистр философских наук, преподаватель

*Белорусский государственный университет информатики
и радиоэлектроники*

Аннотация: *Статья посвящена анализу концепции структурного марксизма Луи Альтюссера и его интерпретации теоретического наследия Карла Маркса. Рассматривается критика Альтюссером герменевтических подходов, опирающихся на поиск смысловой преемственности между ранними и зрелыми трудами Маркса, что приводит к методологическому смешению идеологических и научных элементов. Центральное внимание уделяется понятию эпистемологического разрыва, которым Альтюссер обозначает радикальную трансформацию теоретической проблематики, произошедшую в работах Маркса около 1845 года. В статье раскрывается роль метода симптоматического чтения как инструмента выявления скрытых структур мысли, определяющих истоки и характер постановки марксовых вопросов. Анализируются причины периодизации творчества Маркса и обоснование демаркации между идеологическим и научным этапами его философии. Показано, что альтюссеррианское понимание марксизма предполагает отказ от гуманистических интерпретаций и переход к строгой научной теории, работающей с системами понятий и абстрактными объектами. Делается вывод о том, что концепция Альтюссера предлагает оригинальную модель реконструкции марксистской философии, позволяющую установить её специфическую теоретическую автономию и содержание.*

Ключевые слова: *структурный марксизм; эпистемологический разрыв; проблематика; симптоматическое чтение; марксистская теория.*

Благодаря множеству перекрывающихся и сложных причин, из которых, как наиболее важные, могут быть названы дискредитация политики Сталина и версии ортодоксальной советской марксистской философии, в Европе в конце 1950-х годов расцвели политические и философские альтернативные версии советского марксизма-ленинизма. К концу 50-х годов многие интеллектуалы,

связанные с партией, стали задаваться вопросом о том, что составляет ядро философии Маркса, каковы ее сущностные цели и идеалы, и как можно руководствоваться этой философией в своих политических действиях.

Для многих из этих интеллектуалов ответ на этот вопрос стал означать возвращение к ранним работам Маркса (те к текстам, написанным до 1845 года) в надежде найти «ключ» к пониманию его философии. В таких произведениях, как «К критике гегелевской философии права» (1844) и «Экономические и философские рукописи» (1844), эти мыслители нашли и отстаивали новое понимание Маркса, которое явно было обязано гегелевскому диалектическому пониманию субъективности и исторического развития, ставившее в центр философского осмысления К. Маркса феномен человеческого отчуждения. Именно против этого проекта поиска истинного метода, цели и задач философии Маркса в его ранних работах, направленных на реализацию полной человеческой свободы и потенциалов посредством диалектических исторических изменений, выступает Альтюссер в своем эссе «О молодом Марксе» (1961) [1], в котором попытался показать, что подобный метод рассмотрения ранних работ К. Маркса, как на ключ к его философии, является методологически подозрительным и идеологически нагруженным.

Подходя критически ко всем сложившимся интерпретационным схемам в отношении марксизма, Альтюссер подчеркивает, что внесение ясности в область генезиса и статуса марксистской теории является проблемой первоочередной необходимости. Альтюссер так формулирует ряд ключевых для марксизма вопросов: «Какова ситуация, сложившаяся в марксистской философии? Имеет ли она право на существование в качестве теории? И если она существует по праву, то как определить ее специфику?» [2, с. 48].

Таким образом, вопрос о специфическом отличии марксистской философии становится первым вопросом, на который, согласно Альтюссеру, должна ответить любая теория, претендующая на адекватную реконструкцию, а интерпретацию философии Маркса. В тоже время этот вопрос принимает форму вопроса о том, существует ли в интеллектуальном развитии К. Маркса момент, который мы могли бы определить, как момент появления этой специфики, и если он существует, то где мы можем его зафиксировать. Иными словами, вопрос о нередуцируемой специфике марксистской теории приобретает как минимум два измерения: теоретическое, отвечающее на вопрос о существовании такого разрыва, и историческое, определяющее место этого разрыва.

Однако Альтюссер настаивает на неочевидности подобного разрыва, и на невозможности его неподготовленного схватывания в текстах К. Маркса. Для того чтобы идентифицировать подобный теоретический сдвиг, необходимо проделать немалую предварительную критическую работу, заключающуюся в идентификации понятий, использованных Марксом и их отношением

с функционированием этих понятий в немарксистских философских концепциях, в первую очередь в системе идеализма Г. Гегеля и антропологизма Л. Фейербаха. Подобная теоретико-критическая работа, согласно французскому философу, является предварительным, но в тоже время необходимым условием всякой интерпретации. Альтюссер делает вывод, что подобная операция «сама по себе предполагает использование минимума марксистских теоретических понятий, касающихся природы теоретических формаций и их истории; что предварительным условием прочтения Маркса является, таким образом, марксистская теория дифференциальной природы теоретических формаций и их истории, т.е. теория эпистемологической истории, которая есть сама марксистская философия; что эта операция образует собой неизбежный круг, в котором применение марксистской философии к Марксу оказывается абсолютным предварительным условием понимания Маркса и в то же время условием самого конституирования и развития марксистской философии» [2, с. 57].

Интерпретация всей сложности и многоуровневости марксистской теории исходя из прочтения ранних работ Маркса, в которых еще не проявляется подлинная специфика марксистской теории в отличии от гегельянства или фейербахианства, согласно Альтюссеру, покоится на фундаментальных герменевтических ошибках. Данная интерпретация строится на признании гипотезы о том, что в каждом из элементов идеологического образования, в данном случае отдельной философской концепции, можно найти хоть и в начальном виде, всю полноту смысла этой идеологической формации. Л. Альтюссер называет такую герменевтическую стратегию теорией источников или теорией предвосхищений, и утверждает, что подобная теория основывается, как минимум, на трех теоретических предпосылках, которые всегда неявно присутствуют и действуют в ней.

1) Первая такая предпосылка является аналитической. Она предполагает, что всякую теоретическую систему, всякую конституированную мысль можно редуцировать к ее элементам; это условие позволяет мыслить тот или иной элемент системы изолированно и сопоставлять его с другим, подобным элементом, принадлежащим другой системе

2) Вторая предпосылка является телеологической: она бессознательно включена в процесс понимания, и с высот истории выносит приговор исследуемым идеям, ранжируя их по своему усмотрению и идеологической ангажированности.

3) Третья предпосылка, позволяет рассматривать историю идей и теорий как свою собственную стихию и предполагает, что в ней не происходит ничего, что не отсылало бы к самой истории идей, то есть представляет мир производства теоретического знания, как исключенный из мира наличного для автора общественного производства.

Выводом из данных предпосылок, для Альтюссера, может выступать лишь методологический эклектизм, выражающийся как в произвольном обращении с терминами и «выдергиваниями» их из контекста мысли, так и в порождении теоретической путаницы, связанной с редукцией теории к ее элементам. Так, например, интерпретация текстов молодого Маркса, в данной герменевтической схеме, требует редуцировать его мысль к ее элементам, обычно объединяемым в две группы: элементы материалистические и элементы идеалистические. Хотя такое разложение на элементы, отделенные от внутреннего контекста выражаемой мысли и мыслимые изолированно, как самостоятельные значимые сущности, возможно лишь при условии ориентированного, т. е. телеологического прочтения этих текстов. Альтюссер обвиняет подобную методологию в гегельянстве, в котором любой объект познания выступает «как ретроспективная абстракция результата, который и следует объяснить, т. е. гегелевское в-себе, помысленное исходя из его цели как его собственного истока» [1, с. 92].

В противовес этим герменевтическим предпосылкам, в своей концепции структурного марксизма Альтюссер предлагает радикально отличающиеся принципы герменевтического понимания.

1. Каждая теория рассматривается как реальное целое, объединенное в конечном счете своей собственной проблематикой. В данном структурном целом невозможно извлечь ни одного элемента, не изменяя смысла этого целого.

2. Смысл этого целого, идеологии или индивидуальной мысли, зависит не от его отношения к отличной от него истине, но от его отношения к существующему идеологическому полю, а также к социальным проблемам и к социальной структуре, которые служат его основой и отражаются в нем. Таким образом, смысл развития единичной идеологии зависит не от отношения этого развития к его истоку или к его завершению, рассматриваемых как его истина, но от того отношения, которое существует в этом развитии между мутациями этой единичной идеологии и мутациями идеологического поля и социальных проблем и отношений, которые служат его основой.

3. Движущий принцип развития теории находится не в пределах ее самой, но вне ее, в ее авторе как конкретном индивиде и в действительной истории, которая отражается в этом развитии согласно сложным отношениям, связывающим индивида с историей.

Альтюссер настаивает, что эти принципы, в противоположность принципам, рассмотренным ранее, являются не идеологическими принципами, но принципами научным, так как они «не истина процесса, подлежащего изучению. Они — не истина чего-то иного (*vérité de*), они — истина для... (*vérité pour*), они истинны, как условие легитимной постановки проблемы, а, следовательно, посредством этой проблемы, и как условие производства истинного

решения» [1, с. 93]. Эти принципы позволяют марксистской теории понять, как свой собственный генезис, так и любой иной исторический процесс.

Основанный на этих принципах метод Альтюссера обозначает как метод симптоматического чтения. Метод выявляет подлинные теоретические положения, которые текст имплицитно содержит. Смысл симптоматического чтения — сконструировать проблематику текста, лежащую в его основе структуру, пространство, в котором невысказанное имеет определённое значение. Текст имеет внутри скрытое содержание, которое можно заметить в возможных нестыковках, противоречиях и повторениях. Для Альтюссера такие области текста Маркса являются «симптомами» в психоаналитическом смысле этого слова, то есть необходимой, но не артикулированной философской основой, которая подталкивает и позволяет проводить Марксу его научные исследования. С точки зрения Альтюссера, когда автор пишет текст, он не догадывается, что высказывает в нем больше, чем того желал, а задача интерпретатора сводится, таким образом, к тому, чтобы обнаружить и проанализировать это неосознаваемое, содержащееся в языке.

Используя данную герменевтическую теорию, Альтюссер заново пере прочитывает работы Маркса, в поисках уникальной специфики марксистской теории. Теоретическими инструментами в этой работе интерпретации выступают два важнейших для концепции структурного марксизма понятия: «эпистемологический разрыв» и «проблематика»

Методологическое изучение текстов К. Маркса и его философских предшественников (Фихте, Канта, Гегеля, и Фейербаха), под влиянием идей которых он находился на разных этапах жизни, позволяет Альтюссеру добиться важного результата — по-новому периодизировать и классифицировать его труды, распределяя по следующим группам:

1) ранние работы, все тексты К. Маркса от его докторской диссертации и до «Рукописей 1844 г.» и «Святого семейства»;

2) работы переломного периода, включающие в себя «Тезисы о Фейербахе» и «Немецкую идеологию»;

3) работы периода созревания, включающие в себя все труды К. Маркса по период 1845–1857 годов;

4) работы периода зрелости — все труды после 1857 года.

В итоге мы получаем ключ к прочтению текстов К. Маркса, в котором Альтюссер проводит различия между периодами разнообразных интеллектуальных влияний и воздействий других авторов на его творчество. Данная периодизация помогает Альтюссеру решить две основные задачи: во-первых, провести демаркационную линию между марксистской теорией и различными формами философского субъективизма, которые ее компрометируют и ей угрожают: прагматизм, волюнтаризм, историцизм и т.д. Эта демаркация

происходит между К. Марксом и Г. Гегелем, и К. Марксом и Л. Фейербахом. И во-вторых, провести демаркационную линию между ранними работами Маркса и зрелыми, между «идеологическим» периодом, интоксцированным философскими мистификациями гегелевской мысли, и периодом «научным».

Для обозначения радикального теоретического разрыва, произошедшего в творческой эволюции К. Маркса, Л. Альтюссер использует понятие «эпистемологического разрыва» (первоначально разработанное в философии Г. Башляра), позволяющее «помыслить мутацию теоретической проблематики, совпадающую по времени с обоснованием той или иной научной дисциплины» [2, с. 49].

Ранний Маркс, согласно Альтюссеру, не просто наследовал классической политической экономии, гегелевскому идеализму или фейербаховскому гуманизму. Все философские заслуги, традиционно приписываемые К. Марксу, как: отделение метода Г. Гегеля от его системы, применение этого метода в истории, распространение материализма Л. Фейербаха на область истории, применение теории отчуждения к миру общественных отношений и т. д., для Л. Альтюссера не имеют ничего общего с марксизмом. Все размышления раннего К. Маркса, из которых выводятся эти заслуги, пронизаны философией Г. Гегеля и Л. Фейербаха, и в этом плане остаются заложниками этих теоретических построений. Зафиксировать разрыв между теорией К. Маркса и другими философскими подходами, по Л. Альтюссеру, невозможно ни путем анализа одной лишь терминологической трансформации, ни путем интерпретации основных «идей», заложенных в той или иной концепции. Единственным возможным путем является анализ целостной проблематики текстов зрелого К. Маркса, в сравнении с проблематикой текстов Г. Гегеля, Л. Фейербаха и самого К. Маркса раннего периода.

Понятие проблематики здесь выходит на первый план, под этим термином понимается конститутивное единство действительных мыслей, которые образуют эту область существующего идеологического (что означает теоретического) поля, с которым объясняется тот или иной автор в своей собственной мысли. Использование понятия проблематики, делает возможным выявление систематической типической структуры, объединяющей все элементы мысли, а значит, открывать в этом единстве определенное содержание, позволяющее постигать смысл элементов рассматриваемой теории, и одновременно соотносить эту теорию с проблемами, которые завещало мыслителю или поставило перед ним историческое время, в котором он живет. Специфичность понятия проблематики от «субъективистских понятий идеалистической интерпретации развития идеологий» [1, с. 99], Альтюссер видит в том, что оно позволяет выявить внутри той или иной мысли внутреннюю объективную структуру, систему вопросов, определяющих собой ответы, которые дает та или иная теория. Для того, чтобы понять смысл ответов и гипотез, выдвигаемых той

или иной теорией, прежде всего необходимо поставить вопрос о природе ее собственных вопросах, о их истоках и генезисе. Но эта проблематика в себе самой есть ответ, — не на ее собственные вопросы (проблемы), но на объективные проблемы, поставленные перед идеологией ее временем.

Исходя из этого понимания проблематики, Альтюссер анализирует ранние работы К. Маркса, и констатирует, что в этих работах присутствует целый ряд феербахианских тем (переворачивание субъекта и атрибута; критика спекулятивной философии; теория родового человека и другие), но также и такие аналитические исследования, которые невозможно отыскать у Л. Фейербаха (связь между политикой, государством и частной собственностью; реальность общественных классов и т. д.). В связи с этим возникает вопрос, является ли присутствие аналитических исследований и объектов, отсутствующих в философии Л. Фейербаха для того, чтобы обосновать разделение на феербахианские и собственно марксистские элементы, в работах этого раннего периода. С точки зрения структурного марксизма, не сам объект рефлексии, может ответить на это вопрос, но лишь модальность, действительное отношение рефлексии к ее объектам, т. е. ее фундаментальная проблематика, исходя из которой мыслятся объекты этой мысли. Отталкиваясь из этих предпосылок, Альтюссер заново перестраивает свой вопрос «можно ли сказать, что рефлексия Маркса ... направленная на эти новые объекты, общественные классы, связь между государством и частной собственностью и т. д., привела к падению теоретических предпосылок Фейербаха и редуцировала их до простых фраз? Или же эти новые объекты мыслятся исходя из тех же предпосылок!» [1, с. 101].

Ответ Альтюссера заключается в том, что структура, проблемы, и смысл проблем ранних работ К. Маркса продолжают определяться той же самой проблематикой, которая определяла философское мышление Л. Фейербаха. Терминология К. Маркса в 1842–1844 годах является феербахианской, он использует такие категории философского антропологизма как отчуждение, родовый человек, целостный человек и т. д. Но даже не это имеет решающее значение с точки зрения теории эпистемологического разрыва и проблематики. Ведь действительно, заимствование изолированного от своего контекста понятия, вовсе не всегда обязывает заимствующего по отношению к тому контексту, из которого оно извлечено. Однако, совсем другое дело заимствования совокупности понятий, связанных друг с другом систематическим образом, вместе с терминами в этом случае заимствуются не только теоретические ответы на какие-либо вопросы, но сам способ постановки вопросов и критерии того, что необходимо считать «вопросами» и «проблемами». Таким образом, подобное заимствование терминов, является включением своей теоретической работы в среду фундаментальной проблематики контекста этих терминов, оно уже обязывает пользующегося этими терминами автора.

Альтюссер делает вывод, если мы считаем доказанным, что К. Маркс усвоил и работал в рамках фундаментальной проблематики Л. Фейербаха (а если быть точнее, Г. Гегеля, т.к. по мнению Альтюссера, критический анализ гегелевской философии, проведенный Л. Фейербахом являл собой лишь обратную сторону гегелевской мысли, и поэтому так и не смог преодолеть проблематику учрежденную великим немецким философом), то его разрыв с этой проблематикой, знаменитая цитата К. Маркса о «сведении счетов с нашей прежней философской совестью» [3, с. 21], предполагает принятие новой проблематики, которая, разумеется, может включать в себя определенное число понятий проблематики прежней, но в таком целом, которое придает им радикально новое значение. Так, негативно доказав, наличие эпистемологического разрыва, связанного с коренным изменением проблематики, Л. Альтюссер приходит к дескрипции новой проблематики и, соответственно, специфической марксистской теории в работах переломного периода К. Маркса.

Анализ работ Л. Альтюссера показывает, что его интерпретация марксизма строится на радикальном пересмотре традиционных подходов к чтению текстов К. Маркса. Центральным моментом выступает идея эпистемологического разрыва, произошедшего в 1845 году и отделившего ранний, идеологический период Маркса от зрелой научной теории. Опираясь на метод симптоматического чтения, Альтюссер выявляет скрытую проблематику, определяющую логику марксистского исследования, и доказывает, что именно переход к новой теоретической структуре делает возможным формирование исторического и диалектического материализма. В результате марксизм предстает как автономная научная дисциплина, способная анализировать как свою собственную историю, так и механизмы функционирования любых теоретических формаций. Такое прочтение подчеркивает независимость марксистской философии от гегелевских и фейербахианских предпосылок и утверждает её как систему, ориентированную на анализ структур, а не на гуманистические или эмпирические трактовки общественного процесса.

Список использованных источников

1. Альтюссер, Л. *О молодом Марксе* / Л. Альтюссер // *За Маркса* — М.: Практик, 2006. — С. 76–128.
2. Альтюссер, Л. *Предисловие. Сегодня* / Л. Альтюссер // *За Маркса* — М.: Практик, 2006. — С. 32–64.
3. Маркс, К. *Капитал. Послесловие ко 2-му изданию* / К. Маркс // *Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23. М.: Издательство политической литературы.* — 1969. — С. 21–22.